

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/90/9

Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 1. Внутренний диалог лирического героя как способ преодоления онтологической дезориентации

Екатерина Дмитриевна Буханова^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия*
^{1,2} *Ekaterinabuhh@mail.ru*

Аннотация. Статья является первой из двух публикаций, посвящённых повести-путешествию А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). В центре внимания оказываются «перипатетические» диалоги, которые герой-рассказчик ведёт со своим другом доктором Д. Беседы персонажей интерпретируются как факт реальной коммуникации, как раздвоение сознания героя, как метафора диалогического мышления писателя. К концу повести экологический, этологический модусы диалогов сменяются онтологическим, гносеологическим.

Ключевые слова: А.Г. Битов, «Оглашенные», «Птицы, или Оглашение человека», сюжет путешествия, диалог

Для цитирования: Буханова Е.Д. Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 1. Внутренний диалог лирического героя как способ преодоления онтологической дезориентации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 183–206. doi: 10.17223/19986645/90/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/90/9

The plot of the journey in Andrei Bitov's story *Birds, or The Catechesis of Man* (1971, 1975). Article One. A lyrical hero's inner dialogue as a way to overcome ontological disorientation

Ekaterina D. Buhanova^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation*

^{1,2} *Ekaterinabuhh@mail.ru*

Abstract. This article is the first of two publications devoted to the poetics of Andrei Bitov's travel story *Birds, or The Catechesis of Man* (1971, 1975) – the first part

of the tetralogy novel *The Catechumens* (1970–2018). The aim of the article is to consider the line of internal dialogue conducted by the lyrical hero as a way he found to overcome ontological disorientation. Semiotic, narratological, intertextual, and cultural methods were chosen as the main research methods. A review of the works of literary predecessors shows the need to expand the analysis of the story in question as a history of mental wandering. A general description of the story's problems reveals the multi-component nature of its semantic structure, which includes the plot of the journey, the natural-philosophical digressions of the narrator, and the plot of the mental split of the lyrical hero. The theoretical basis of the study is justified as corresponding to the latest sociocultural trends. The title of the story is interpreted as a metaphor for the spiritual path. In the analytical section of the article, the focus is on the line of "peripatetic" dialogues that the hero-narrator conducts with his friend Doctor D. The characters' conversations are interpreted as a fact of real communication, as a split consciousness of the lyrical hero, and as a metaphor for the writer's dialogical thinking. In Bitov's story, three dialogues between the narrator and the doctor are consistently highlighted. The first of them, starting in the lecture hall and in the laboratory at the biostation and continuing in the Curonian dunes, reveals a focus on zoology, ecology and ethology as the spheres of D.'s scientific interests and gives an idea of man as a "biological creature". The second and third conversations, localized on the Baltic coast, concentrate respectively on the mystery of the origin of the Universe and on the question of man's place in the landscape of existence. The mask of a layman adopted by the "student" narrator is considered as a variant of "Socratic" "wise ignorance" (according to Mikhail Bakhtin). The evolution of the problematics of dialogues is revealed: ecological, ethological modes at the beginning of the story and ontological, epistemological at the end. It is concluded that the soteriological meaning of the dialogue lies in overcoming the ontological disorientation of man as a reconciliation of the worldviews of the scientist and the artist, the philosopher and the layman, the ethologist and the Christian, in the convergence of antinomian ideas about man as an "ecological sinner" and as a co-creator of the Cosmos itself. The dynamics of the image of consciousness of the lyrical hero are stated. By the end of the story he comes to the understanding that the natural scientific picture of the world only confirms the image of the Logos as a plan for the world, primary in relation to it. It is argued that, by the end of the story, the hero's thinking undergoes the transformation that is extremely achievable for him at this moment, and approaches the reconciliation of the antinomies of the empirical and intuitionistic, natural and civilizational, cosmogonic and eschatological.

Keywords: Andrei Bitov, *The Catechumens*, *Birds*, or *The Catechesis of Man*, plot of journey, dialogue

For citation: Buhanova, E.D. (2024) The plot of the journey in Andrei Bitov's story *Birds*, or *The Catechesis of Man* (1971, 1975). Article One. A lyrical hero's inner dialogue as a way to overcome ontological disorientation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 183–206. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/9

Статья посвящена творчеству современного российского автора А.Г. Битова (1937–2018). В начале своего писательского пути, во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., Битов экспериментировал с игровой поэтикой (в очерках будущего сборника «Аптекарский проспект, б»), повести «Одна страна» и др.) и осваивал исповедальную эстетику в ранней психологической прозе (в лирических новеллах, вошедших в сборники «Большая

шой шар» и «Аптекарский остров», в повестях-путешествиях). На пересечении этих линий росла зрелая философско-аналитическая проза Битова 1960–1980 гг.: путешествия non-fiction («Колесо», «Наш человек в Хиве», «Уроки Армении», «Грузинский альбом» и др.), романы «Пушкинский дом» и «Улетающий Монахов».

Метатекстуальная, имагологическая, философская проблематика углублялась по мере его работы над романами «Оглашенные» и «Преподаватель симметрии», начатыми в 1971 г. и завершёнными в 2010-х гг. В 1990–2010 гг. интеллектуально-культурные поиски Битова продолжались и в литературно-критической и эссеистской прозе, вошедшей в сборники «Неизбежность ненаписанного», «Статьи из романа», «Пятое измерение» и др. Это позволяет исследователям по-разному оценивать мировоззренческую доминанту художественной прозы Битова: реализм [1, 2], постмодернизм [3, 4], экзистенциальная [5, 6] или онтологическая [7, 8] поэтика.

Несмотря на постоянный интерес современного литературоведения к творчеству Битова, на настоящий момент нет полной классификации и исследования в прозе Битова сюжета путешествия, который он сам трактовал как универсальную модель – «познание в движении», «освобождение», переход от жизни к письму, к созданию «образа жизни» [9].

Роман «Оглашенные» (1970–2018) первоначально был составлен Битовым в 1995 г. из трёх ранее написанных им повестей, дополненных элементами, связующими их в единый роман. Книга получила авторский жанровый подзаголовок «роман-странствие», подчёркивающий семантику «прежде всего духовного странничества» [3]. В 2011 г. текст «Оглашенных» был дополнен четвёртой частью и в 2018 г. опубликован как «тетраптих». Таким образом, свой окончательный завершённый вид роман в повестях принял почти через 50 лет после начала работы над ним. Четыре повести разной жанровой природы связаны здесь единой наррацией лирического героя, расширяющего границы индивидуального опыта в поиске новых сюжетов:

1. Первая часть – вариация перипатетического диалога «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). На балтийской биостанции герой общается к быту учёных-орнитологов и ведёт с одним из них, доктором Д., этологические споры. В основу повести легли реальные впечатления Битова об очередной (седьмой) поездке на биостанцию на Куршской косе, к своему другу орнитологу Виктору Дольнику. Однако на первый план выходит метафорический сюжет пути к духовному перерождению – через проверку научной картины мира и открытие внерациональных форм мышления.

2. Вторая часть – травестия ментального путешествия «Человек в пейзаже» (1983). Место действия отсылает к реальному локусу – подмосковному Коломенскому, однако в сюжете доминируют фантазмагорические мотивы. Лирический герой обретает нового учителя – художника-философа Павла Петровича – и бродяжничает с ним, внимая его лекции о феноменологии искусства и о миссии человека как созерцателя Творения.

3. Третья часть – стилизация античной мениппеи «Ожидание обезьян» (1993). Поездка рассказчика в Абхазию к обезьяньему питомнику оборачивается маргинальными похождениями в составе «интернациональной» компании, сопоставимыми с приключениями героев Петрония и Апулея. «Учителя» рассказчика из предыдущих повестей сходятся на общей локации для моделирования универсальной картины мира, адекватной условиям постсоветской реальности. Вернувшегося домой, в Москву, автора от описания путешествия отвлекает историческая драма – распад советской Империи; однако визионерский опыт убеждает его в том, что на всё Божья воля.

4. Четвёртая часть – поминальное голошение-эпилог «Последний из оглашенных» (2012). Герой-повествователь в последний раз встречается со своим наставником-художником, вспоминает павших друзей – «солдат Империи» [10. С. 333] и завершает роман.

Таким образом, во всех частях романа сюжет реального путешествия преобразуется в сюжет ментальный. Настоящая статья является первой из двух публикаций, посвящённых поэтике повести «Птицы, или Оглашение человека». Внимание фокусируется на линии философских диалогов, которые приехавший на Куршскую косу автобиографический герой повести ведёт со своим другом – директором расположенной на Косе биостанции. Повесть «Птицы...» единственная в романе выпадает из «мениппейного» ряда: в ней изображается беседа героя-рассказчика, профана (но не маргинала), с учёным и задаётся оригинальный философический пафос, профанируемый в последующих повестях.

Для уточнения собственного ракурса исследования остановимся на наиболее существенных трактовках повести от 1980-х до 2020-х гг. Л. Аннинский уже в конце 1980-х гг. назвал повесть «ностальгией» по пойманной Битовым ранее в «Уроках Армении» (1969) ясности бытия, на месте которой к 1970-м гг. образовалась «экологическая, гносеологическая, философская воронка» [1. С. 26–27] – отзвук социокультурной ситуации нарастающего разочарования и скепсиса. В 1990-е гг. Э. Чансес в одной из первых посвящённых Битову монографий («Andrei Bitov: The Ecology of Inspiration», 1993, русский перевод 2006) рассмотрела повесть как органический элемент сборника «Дни человека» 1976 г., в который, помимо повести «Птицы...», вошли роман «Роль» («Улетающий Монахов») и несколько глав романа «Пушкинский дом». Исследователь сосредоточилась на заявленном в повести вопросе о возможности понимания *Другого* и на проблеме пограничного положения человека в бытии [2. С. 168–170].

Книга Чансес дала представление о битовской прозе как об «экологической», однако вскоре после её создания Битов переместил повесть «Птицы...» в роман «Оглашенные». Новый контекст определил перенос акцента с антропологической парадигмы (письмо как способ моделирования и осмысления жизненного пути человека) – на универсальную (поиск места человека в онтологии, рефлексия его способности слышать голос бытия).

В 2000-е гг. интерес к «Птицам...» не ослабел, и произведение получило новые трактовки. М.А. Гурьянова в диссертации 2008 г. о прозе Битова 1960–

1970-х гг. рассмотрела повесть точно, а также в рамках сборника «Дни человека» как «романа-черновика». Исследователь указала на эссеизм повести, её парадоксализм и энциклопедизм, на перемежение сюжета сократических диалогов рефлексией «запутавшегося в “вечных вопросах”, не-пишущего писателя» [11. С. 134–137]. Однако определение жанра произведения как «эссе» обусловило недостаток внимания к фабульному компоненту в структуре повести. М.Д. Андрианова, в диссертации 2011 г. рассмотревшая роман «Оглашенные» как «роман-исповедь, роман-мистерию», в повести «Птицы» выделила сюжет познания героем повести универсальных законов мироздания, образы героев как «новых перипатетиков», ставящих естественно-научные вопросы в их связи с философией, этикой, и проблему самоидентификации человека: человек – «тупиковая ветвь эволюции» или созерцатель Творения? [12. С. 137–171]. Однако фокусирование внимания сразу на четырёх главных романах Битова не позволило Андриановой остановиться подробно на сюжете странствия в первой части романа «Оглашенные».

Таким образом, эволюция трактовки повести «Птицы...» от 1980-х к 2020-м гг. заключалась в переходе исследовательского фокуса от генерализирующих факторов (социокультурный контекст творчества писателя, поиск доминант его поэтики в целом, анализ повести как части книг, в которые она была включена) ко всё более тонким художественным подробностям, которые, однако, не были прочитаны как элементы целостной истории о странствии, реальном, ментальном, философском. В то же время выделяется мнение автора трудов по философии и мифологии путешествия И. Сиды, определившего «антропологический статус» Битова как «геопоэта», «живого воплощения теории путешествий» [13. С. 191].

Отталкиваясь от концепций предшественников, в анализе повести «Птицы» мы прежде всего сосредотачиваемся на исследовании сюжета путешествия как динамики отдельных локусов и на семантике хронотопов, «через ворота» которых, по М.М. Бахтину, совершается «всякое вступление в сферу смыслов» [14. С. 406]. Однако в этом произведении эмпирическая картина мира фиксирует текучесть движущейся реальности, воссоздаётся в сюжете письма и в метафорическом сюжете странствия как пути духовного перерождения. Дискретность пространства, реализующаяся в мифологизации отдельных локусов, оттеняет единство времени. Таким образом, морфология повести «Птицы» созвучна лотмановскому пониманию художественного произведения, в соответствии с которым «структура <...> текста становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов <...> языком пространственного моделирования» [15. С. 266] (Ю.М. Лотман указывал, что «язык пространственных отношений <...> принадлежит к первичным <...>. Даже временное моделирование часто представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком» [16. С. 293]).

Кроме того, в «Птицах» рассказчик называет собственное высказывание о путешествии «разговорами двух перипатетиков» [10. С. 86], обращаясь к античному образу беседующих во время прогулки философов – учителя и

ученика. Слово «*περὶπατητικός*» может переводиться с древнегреческого языка или как прилагательное – «совершаемый во время прогулки», или как существительное – «перипатетик (ученик или последователь Аристотеля)» [17]. Такое авторское определение подчёркивает философичность содержания и соотнесённость пространственной и аксиологической модальностей в нарративе повести. Многоступенчатость разворачивающегося у Битова акта коммуникации (обмен мнениями героев и диалогизация авторского сознания в метатексте писателя-путешественника) можно возвести к концепции «двуголосого слова» Бахтина, прочитывавшего романы Ф.М. Достоевского как утверждающие возможность сосуществования двух точек зрения на бытие, двух голосов как «минимума бытия» [18].

В ситуации гиперреальности, плюрализма культур начала XXI в., когда «однополярный мир “единственно верных” учений, впечатлений <...> исчезает <...> множество противоположных оценок <...> соседствуют в Интернете <...> на соседних страницах» [19], философия Диалога Бахтина помогает человеку принять наличие Другого как благо, сохранить, обновить и осмыслить своё уникальное «я», ощутить свободу самовыражения, свою включённость в жизнь как в полифонию взаимопереходящих друг в друга голосов.

Мы прочитываем весь роман «Оглашенные» (законченный в 2010-е гг.) как *диалогический*, в понимании сюжета опираясь на данное Бахтиным определение «романного сюжета», служащего «изображению говорящих людей и их идеологических миров» [14. С. 177]. По Бахтину, «в романе осуществляется узвание в чужом языке своего языка, в чужом кругозоре – своего кругозора» [14. С. 177]. Центральная проблема повести «Птицы» – вопрос о сущности человека как уникального представителя живой природы, носителя многогранного творческого сознания, для которого сам факт присутствия в мире обуславливает необходимость не только непрерывно давать ответ бытию, но и вести непрекращающийся внутренний диалог, отвечать самому себе на вечные вопросы, примирять антиномические начала своей природы. Применение лотмановской концепции позволяет прочитывать сюжет странствия в «Птицах» как вариант преодоления разрыва между людьми, между человеком и природой, при котором контакт с «*другим*» ведёт не к «упрощению чувств», а к «усложнению <...> собственного мира», к осознанию самобытности своей культуры [20. С. 278].

Хронотоп путешествия в повести близок и к описанному Бахтиным «платоновскому» типу автобиографического хронотопа «со строгими формами мифологической метаморфозы» [14. С. 281]. Открытие Бахтиным морального содержания в самой идее хронотопа («в нравственной философии Бахтина отсчёт ведётся с позиции субъекта, придающего хронотопу ценностное измерение» [21. С. 111]) востребовано сегодня, в эпоху постмодернистского тотального релятивизма, симуляции, так как даёт обывателю виртуального мира представление о возможности укоренения в бытии, ориентацию на реальную, а не на воображаемую аксиологию (о чём свидетельствует возник-

новение геопоэтики). Прозревая *событие* (и *со-бытие*) в череде случайностей и *поступок* – в хаосе манипуляций и парадоксов, Бахтин обращал гуманитарное знание к его органическим истокам. Эти идеи уместно использовать при анализе творчества Битова, в котором за игровой постмодернистской оболочкой скрывается напряжённый поиск «дневной», здоровой реальности, *нормы* (см.: [7, 22]).

Таким образом, гуманистический пафос теоретических работ М. Бахтина и Ю. Лотмана, выбранных в качестве методологической базы исследования, ориентирует на прочтение повести Битова как воплощающей современную постантропоцентрическую картину мира, возвращающей человека в мир, но в новом, экологическом статусе. Вместе с тем такой инструментарий позволяет обнаружить в повести Битова традиционность семантической структуры (концептуальность фабулы и сюжета, архитектурность формы и ритма, категорию воли как критерий отношений автора со своим текстом) и художественной концепции («диалогизм», «двуголосое слово», значимость понимания Другого, миромоделирование), что показано в настоящем исследовании.

Сюжет повести Битова развивается на нескольких уровнях. Во-первых, на фабульном уровне сюжет странствия определяется фактами поездки героя-рассказчика на Куршскую косу. Событие путешествия как череда впечатлений и встреч предполагает накопление «документальных кадров», входящих в субъективный мир героя. Магистральная линия путешествия разветвляется на частные истории в процессе передвижений субъекта. Этот приём поэтики воплощает одну из центральных идей Битова: его герой обнаруживает изоморфную потребность в освоении мира через движение в пространстве как у людей (носителей массового и элитарного сознания – дачников и учёных), так и у животных (птиц – перелётных и осёдлых, зверей – по куршским дюнам снуют зайцы, неспешно ползут божьи коровки), у деревьев («танцующий лес» на Косе), песка (движущейся материи дюн), солнца, ветра, облаков и т.д. Так в повести формируется этологическая метафора процесса эволюции как глобального путешествия человечества и всего органического мира.

Во-вторых, сюжет письма (метасюжет) в повести связан с воссозданием событий прошлого как метафизического «путешествия во времени». Присутствие нарративных экспликаций сюжета странствия (паратекста, метатекстуальных и лирических вступлений и отступлений повествователя) позволило использовать в анализе повести понятие «путешествие-письмо». По мнению М. Гуреева, автора художественной биографии Битова, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 2023 г., сюжет путешествия-письма выражает миромоделирующую функцию творчества: «<...> автор <...> должен возвращаться назад, искать <...> атмосферу прошлой жизни. Но так как возврат в прошлое невозможен <...> а письмо <...> обязывает совершить это порой сентиментальное, порой драматическое путешествие, то приходится создавать минувшее <...> вновь проживать разрозненные как несмонтированные кадры <...> эпизоды <...>» [23. С. 125].

Внутренняя динамика (ментальное раздвоение) сознания героя указывает, что суть сюжета путешествия-письма – и в когнитивной эволюции героя-писателя: в процессе ментальной обработки и вербализации эмпирического опыта он приобретает философский рационалистический образ мыслей, начинает прозревать за бытом – бытие. Таким образом, путешествие как способ существования открывает перспективу расширения частного сознания, преодоления ограниченности индивидуального мировосприятия. Об этом свидетельствует перемежение в повести «Птицы» событий странствия лирическими отступлениями, восходящими от осмысления социокультурных и этологических проблем – к натурфилософским обобщениям. Это размышления:

1. О «сюрреалистической» неуловимости птиц.
2. О роли инстинктов в поведении человека.
3. Об экологии как науке «любителей», возвращающих миру забытые им истины.
4. О девальвации знания – вследствие его доступности – как характерной черте сознания современного человека.
5. Об эстетике босховского Ада как прозрении ужасного в бытовом.
6. О стремлении к биологическому равновесию как морали орнитологов.

Текст, включающий отстранения от основной истории, набран более мелким шрифтом. В сюжете путешествия такие фрагменты выполняют роль «остановок в пути», позволяющих писателю-путешественнику задействовать элементы культурной памяти, осмыслить значение происходящих событий и стратегию дальнейшего движения.

В-третьих, линия разговоров двух персонажей, находящаяся в фокусе внимания в настоящей статье, соответствует жанру «сократических диалогов» (по М.М. Бахтину) с центральным образом «беседующего человека», для которого характерно сочетание «народной маски дурака-непонимающего <...> с чертами мудреца высокого типа <...> амбивалентный образ мудрого незнания» [14. С. 467]. «Сократическая» структура диалогов героя-рассказчика с учёным, в которых рассказчик берёт на себя роль провокатора («не понимающего» и «выспрашивающего»), обуславливает главенство в повести *сюжета мысли*. Герои обсуждают эколого-этологические и онтологические проблемы:

1. Доверие животного человеку как фактор доместикации. Зависимость уровня морального поведения животных от степени их вооружённости и наличие антропологического следа в науке о животных.
2. Переживание человеком чувства времени и специфика научного мышления.
3. Переживание человеком пространства и антропный след в постижении основ мироздания. Оптимистическое понимание экологии как науки будущего.

К разговорам героя с доктором Д. примыкают ситуации его общения с персонажами-женщинами: разговор с сотрудницей Н. на биостанции; беседа с дочерью дома; завершающее повесть включение «чужого текста»,

написанного знакомой нарратора – школьницей Юлией. Объединяющая их проблема – человек в эпоху гиперинформации, которая должна способствовать освоению мира человеком и упрощать, а не затруднять ведение диалога культур (вороны и сороки, русского и иностранца, человека и животного).

Количество эссеистских отступлений и суммарная цифра диалогов героя с доктором и с женщинами – шесть – отсылают к античной пифагорейской философии («греческая эстетика есть эстетика шести правильных геометрических тел» [24. С. 562]), образцовой для мировой культуры.

Сюжет имплицитного раздвоения личности, имеющий большую традицию в мировой культуре (готическая повесть Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1885), роман Ч. Паланика «Бойцовский клуб» (1996), изданный через год после первой публикации романа «Оглашенные», и т.д.), у Битова служит решению прежде всего металитературных и философских проблем: внутренний спор лирического героя является символом диалогического способа мышления автора.

В целом в контексте романа «Оглашенные» беседы персонажей можно истолковать и как факт реальной коммуникации, и как раздвоение сознания лирического героя (экспликация личного ментального разлада героя-путешественника), и как метафору многогранности человеческого мышления. В любом случае это один из способов воплощения идеи *широкого внутреннего диалога*, реализуемой в художественном мире повести как в образе авторского сознания. В связи с этим диалоги персонажей рассматриваются нами как одна из существующих в повести динамических, перетекающих друг в друга нарративных форм, таких как индивидуальные натурфилософские размышления, анахронические отсылки к прошлому, геоэстетические описания, метатекстуальные аллюзии и т.д. Рассматривая в движении сюжета актантность интрадиетического персонажа как действующего лица, можно пользоваться терминами «лирический герой», «герой-путешественник», а анализируя метауровень художественного высказывания – понятиями «повествователь», «рассказчик», «нарратор».

В повести Битова выделяются три диалога рассказчика с доктором. Первый из них, начинающийся в лекционной аудитории и в лаборатории на биостанции и продолжающийся на куршских дюнах, сосредоточен на зоологии, экологии и этологии как сфере научных интересов Д. и даёт представление о *человеке* как «биологическом существе». Второй и третий разговоры, локализующиеся на балтийском побережье, концентрируются на загадке возникновения *Вселенной* и на вопросе о месте *человека* – в *пейзаже бытия*.

В общении с доктором и другими сотрудниками куршского орнитологического стационара герой повести Битова не высказывает собственного мнения, но вопрошает и слушает. Изначально принимаемая им роль профана соответствует описанной Бахтиным маске «дурака-непонимающего» [14. С. 467], поощряющего собеседников к выражению и развитию своих мыслей:

– Который год ты к нам ездешь, хоть бы одну птицу запомнил <...>. Ведь станция названа её именем!

– А как называется станция? – спросил я.

Я вышел. На доме было выведено *Fringilla* [10. С. 49];

– Вы говорите, – вцеплялся я, – что... <...> Нельзя ли в таком случае заключить так?..

– Да, пожалуй, так можно сказать, – неохотно соглашался доктор [10. С. 69].

Исследователи повести рассматривали напускной дилетантизм героя как способ преодолеть стереотипы мышления учёного, обезоружить самоуверенное научное сознание, носителем которого является доктор Д. [25. С. 127–128]. На наш взгляд, цель героя-писателя – не корректировка картины мира друга-биолога, но определение такой формулы, которая примирила бы их разнящиеся взгляды на мир, в равной степени имеющие право на существование. Способность к живому диалогу ориентирует в бытии человека как единственного представителя природного мира, обладающего противоречивой природой, подчиняющегося одновременно инстинкту, разуму и интуиции, принадлежащего разнонаправленным контекстам – натурфилософскому, социополитическому и историко-культурному. Персонажи рассуждают о сущности человека – «непослушное» ли он «дитя биосферы» [26. 352 с.] или подобие своего Создателя, обладающее уникальной способностью «оценить совершенство» Творения «в полной мере» [10. С. 76]. «Перипатетики» ищут такой ответ, который не противоречил бы современным философским теориям – ни антропному принципу, вписывающему человека в космос [27. Т. 4. С. 131], ни постантропоцентризму, перемещающему человека из центра мира – на его периферию [28. С. 84].

Таким образом, за самоумалением стоит философская позиция битовского героя как «ученика у бытия», не имеющего готовых ответов на онтологические вопросы. Это близко картине мира, выраженной А.П. Чеховым в философском рассказе «Студент» (1894), где воплощается идея связи всего со всем в бесконечности времени и пространства, дающей человеку радость в темноте и холоде бытия, помогающей преодолеть чувство одиночества и бездомности. За каждым из диалогов с доктором Д. следует авторефлексия героя – свидетельство укрепления его эпистемологической ориентации, упрочения мировоззренческих установок.

Ученическая открытость миру определяет напряжённость гносеологических поисков рассказчика, начинающих в расположенной на территории биостанции лекционной аудитории. «Учитель» (доктор Д.) рассказывает приехавшим на Косу студентам об изначально непритязательной биологической нише птицы. Своей понятной и простой природной чистотой *modus vivendi* птицы коррелирует со спецификой экологии как сферы научных интересов самого лектора – «ареала обитания» его мысли. Лирический герой акцентирует в рассуждениях учёного глобальную мысль о том, насколько широко разрастается изначально необходимый минимум хабитуса любого живого существа (в том числе птицы) в процессе его жизни – так, что рамки отведённой ему природной ниши начинают давить: «...объём <...> был

<...> сжат со всех сторон формулами её бытия <...> и где-то <...> позади осталось радостное библейское начало: воздух, вода, пища» [10. С. 19–20].

Рассказчик обращает внимание на то, что его друг-учёный, посвятивший жизнь орнитологии, сам стал внешне – походкой и взглядом – похож на предмет своего изучения – птицу. Его замечание созвучно рассуждениям современного философа А.В. Маркова (предмет исследования «поглощает» учёного и начинает сам определять знание о себе [29. С. 128]) и социологов науки Б. Латура и С. Вулгара, описавших быт естественно-научных лабораторий и отметивших способность к деконструкции реальности как отличительную черту носителей научной картины мира, у которых «...имеет место инверсия: объект становится причиной, по которой утверждение было сформулировано в первую очередь» (перевод с английского наш. – Е.Б.) [30. Р. 177].

По Битову, схема доктора Д. визуализирует попытки классической науки загнать живую жизнь в строгие рамки закономерностей и обращает к экологии как новейшей области естествознания, ставящей целью сохранение феноменологии самой жизни – во всём разнообразии её сущностных проявлений. По мысли орнитолога, путь современного исследователя должен определяться прежде всего заботой о сохранении экологических первопричин бытия, а не нанизыванием всё новых «прогрессивных» «надстроек».

Восприятие героем лекции доктора Д. – инициальная точка их диалога как идейного взаимообогащения. В своём докладе учёный деконструирует самообман имперского мышления людей, притесняющих природу «достижениями прогресса». Вслед за ним лирический герой начинает видеть в *диалоге* с животным как с «*Другим*» возможности для расширения экзистенциального контекста жизни человека, преодоления мировоззренческих заблуждений. Эта позиция близка концепции современного французского философа, автора теории индивидуации и учения об эволюции техники Ж. Симондона, писавшего о том, «как европейская рациональность справлялась с существованием зверя, который может оказаться не менее разумен, чем человек» [29. С. 130–131].

«Способность человека знать иную природу кажется мне катастрофически малой, но нет ничего благороднее и необходимее... чем это буксующее усилие», – рассуждает герой Битова [10. С. 23]. Диалоги с учёным подводят его к пониманию сущности человека как «сентиментального путешественника», призванного, подобно герою Л. Стерна Йорику, познавать «своё» через «чужое», постигать инвариант инобытия и вписываться в мир «других», преодолевая эгоцентризм, возвышаясь над собственным «я». Результатом этого духовного труда становится не открытие универсальных онтологических закономерностей (они, по Битову, неуловимы) и даже не проникновение в тайну альтернативного миропонимания (остающуюся неразгаданной при иллюзии сближения), но возможность обновлённого осмысления собственного существования.

Экологическая мысль собеседников перетекает в этологическую: доктор убеждён, что одно из проявлений отдаления современного обывателя от

природы – отрицание им эволюционной теории и факта происхождения человека от обезьяны. Человек игнорирует «симптомы» такого родства, проявляющиеся в его собственном поведении. Подчёркивая своё превосходство над приматами, он не подозревает, что такое поведение выявляет его неготовность спорить с научно доказанными фактами (ср.: «Человеку обидно, что он всеми своими корнями уходит в мир животных, и везде, где это удаётся “забыть”, он забывает с удовольствием» – Дольник В. «Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей» [26. С. 132]).

Внемя рассуждениям доктора Д., рассказчик приходит к выводу, что смелость экологов заключается в модернизации ментального ландшафта человечества через переориентацию научного поиска на элементарные бытийные закономерности, которые преодолены только мнимо, а на самом деле лежат в основе всех жизненных процессов: «Посмотреть под ноги, а затем в небо – вот первый научный метод» [10. С. 32]. Герой представляет себе кумира доктора – австрийского зоолога К. Лоренца, исследовавшего связь между степенью вооружённости и «моралью» у животных, – одиноким путником, метафизически бредущим в веках с поднятым к небу взглядом и «считающим ворон» [10. С. 32]. Таким образом, в рецепции рассказчика Лоренц ассоциируется с культурным героем – космогонической фигурой, носителем архаического сознания, консолидирующим природные и культурные силы во имя борьбы с хаосом и гармонизации мира [31. С. 566–568]. Фраза «считающим ворон» двусмысленна. В отличие от ворона как персонажа мифов разных народов, неизменно несущего смертельную, демоническую семантику, ворона не имеет хтонических характеристик и фигурирует преимущественно в античной мифологии – как птица, которая «сопровождает богов и героев, связанных с небом и солнцем, с культом земледелия, с войной и подземным царством» [31. С. 204]. В то же время фразеологический контекст («считать ворон» – быть рассеянным) напоминает о том, что принцип мышления настоящего учёного – сосредоточенность на предмете.

Продолжая свой первый диалог, персонажи выводят его из академической аудитории в свободный куршский пейзаж – на побережье и в лес. Здесь их размышления получают новый поворот (буквально, как писал Ю. Лотман, «внутренняя синтагматика элементов» определяется «языком пространственного моделирования»). Доктор Д. во время прогулки по Куршской косе, обозревая реальные, а не схематичные ареалы обитания животных, противопоставляет компромиссному мировоззрению человека чёткость нравственных устоев животных, пропорциональную жёсткости защиты ими границ личных охотничьих территорий: сильно вооружённые виды животных рыцарски благородны в проявлениях агрессии – не добивают признавшего своё поражение противника, а слабо вооружённые – примитивно-безжалостны. В ответ на замечание лирического героя о «гуманности» этой «волчьей морали» [10. С. 36] доктор осаждаёт его и отстаивает самостояние животного мира, широту органической природы, выходящей за границы любых навязанных человеком оценок.

Так, орнитолог считает жанр басни, эксплуатирующий зоообразы для иллюстрации предсказуемого и прямолинейного дидактического содержания, «холопским» [10. С. 36], грешащим проецированием на животных человеческих качеств. В этом Битов превосходит современного мыслителя, создателя «не-философии» Ф. Ларуэля, заявившего, что «философы сконструировали “вселенную” как “пространство” <...> но это было превращение нашего опыта в какую-то басню <...> а не решение действительных философских проблем» [29. С. 133]. Доктор Д. интерпретирует басню как попытку человека профанировать истину (в данном случае – правду о животном мире), опустить её до своего, понятного уровня; однако его собеседник-литератор «не поспекает» за прогрессивностью идей учёного, не может столь радикально отойти от привычного ему стиля мышления:

- Головокружительная идея! – воскликнул я, подхватив то, что мне было в ней нужно. – Всю жизнь не терпел голубей...
- У вас нет никакого морального права их осуждать, – мрачно сказал доктор.
- Они не подлежат нашей нравственной оценке [10. С. 33].

Доктор Д. заявляет, что не считает оружие массового поражения (атомную бомбу) «человеческим» аналогом «хищнических» атрибутов у животных, но считает таковыми механизмы регуляции численности вида – естественные, генетически обусловленные способы сохранения жизни лишь для такого количества сородичей, которое может быть обеспечено имеющимся количеством ресурсов. Причина такой научной оценки – в «уникальности» психологии человека. Животные, в отличие от людей, не способны массово уничтожать друг друга по тем причинам, которые не касаются непосредственно их возможности удовлетворения базовых физиологических потребностей. Внутривидовая агрессия зверей не может быть рационально мотивирована, идейно обоснована: она инстинктивна и потому чиста.

Во втором диалоге на балтийском побережье собеседники обращаются уже к «вечным» проблемам мироздания – что есть человек, что есть Вселенная. По мнению Д., человек – «биологическое существо» [10. С. 41], но влияние цивилизации искажает его врождённую нравственность. По ходу разговора в словах доктора начинает всё лучше прочитываться симпатия к законам мира животных и порицание двойных стандартов человеческой морали. В процессе общения учёного с другом-гуманитарием всё более явно обозначается ранее скрываемая им симпатия к ненаучному ходу рассуждений собеседника, поэтизирующего биологический мир: «Больно ли насекомому? думает ли птица? <...> прекратилась ли эволюция и почему?» [10. С. 59–60]. Такая интерпретация воплощает понимание Битовым художественного мышления В.Р. Дольника, прототипа доктора Д.: «Вместо дописывания докторской Дольник писал “маленькие трагедии”: “Мог ли летать птеродактиль?”, например» [32. С. 155].

В отличие от героя, восторженно «взвешивающего» естественно-научные факты на «весах» антропоцентричности, доктор Д. уверен в самоценности органического мира. Вопрос героя-«ученика» о сущности человека учёный комментирует феноменологически («Человек равен самому себе»), а вопрос о Боге – атеистически («Думаю, что его не было» [10. С. 60]). Существование или несуществование Творца для него не этическая или философская, а научная проблема, поэтому, рассуждая об этом, он обращает мысленный взор в прошлое – к загадке возникновения жизни.

Приверженность теории абиогенеза (обоснованного процесса перехода неживой материи в живую) характеризует доктора Д. как носителя научной картины мира, тогда как его собеседник, герой-повествователь, склонен к мифологизации реальности. В попытке экзистенциальной адаптации герой мечется между полюсами религиозных и житейских взглядов на жизнь, равно удалёнными от научного мировоззрения. Его размышления одновременно о существовании Бога и о тайне производства конфет «подушечка» [10. С. 60] выдают в нём «сентиментального путешественника», в выстраивании экологических отношений с бытием ориентирующегося не на воспроизведение мировоззренческих стереотипов, а на сохранение гармонии собственного частного мира – со всеми его бытовыми подробностями и психологическими нюансами.

Восприняв образ мышления друга-орнитолога, герой начинает сравнивать жизнь человека с существованием птицы: каждое мгновение её свободного полёта оплачено неизбежностью суровой повседневности и драматическим подчинением биологическим законам (борьба с паразитами, перевозимание физической боли, поддержание высокой температуры тела, бесконечная охота за пищей). Как и жизнь птицы, жизнь человека протекает в непрестанной борьбе за существование и при ближайшем рассмотрении кажется возможной не благодаря, а вопреки законам мироздания. (Биограф Битова Гуреев определяет самоощущение писателя в конце 1970-х – начале 1980-х гг. как близкое состоянию птицы чувство свободы и загнанности в тупик одновременно: «Расконвоированный советский странник мечется между городами и островами <...> выбивается из сил, как птица, которая может жить только в движении <...>» [23. С. 231–232].) По Битову, трансгredientный, планетарный взгляд (с позиции «птицы») убеждает героя в функционировании на Земле гуманного антропного принципа, гарантирующего человеку удовлетворение его базовых потребностей: «...кислород разведён ровно в той мере, которою мы можем дышать <...> с грехом пополам хватает пресной воды <...>» [10. С. 61].

Переживания героя соответствуют фокусу современных естественно-научных исследований. Так, советский и российский учёный Л.И. Розенталь, в круг интересов которого входили разномасштабные физические явления – от ядер атомов до Метагалактики, писал о том, что при увеличении массы электрона не смогли бы возникнуть звёзды типа Солнца [33. С. 32], «в случае стабильности би-протона <...> звёзды бы быстро угасли» [33. С. 33–34], а «нестабильность

дейтона разрушила бы всю цепь нуклеосинтеза» [33. С. 33]. Квантовая физика также заявляет о том, что «...небольшое изменение фундаментальных постоянных <...> сводится к исчезновению одного или нескольких основных элементов Вселенной: ядер, атомов, звёзд и галактик» [34]. Мельчайшее отклонение космоса от его настоящего состояния поставило бы под вопрос само существование жизни на Земле. Это убеждает в провиденциальности присутствия человека в мире, в несомненности наличия в этом присутствии глобального позитивного смысла. Точные науки конца XX в. свидетельствуют о том, что жизнь каждого из людей санкционирована миллионом космических совпадений и глубоко связана как с мельчайшими частицами материи, так и с целостным макрокосмосом универсума.

Волнующая лирического героя повести экзистенциальная проблема универсальна по своей сути: Вселенная даровала человеку обязательство жизни, но не объяснение того, что ему делать с ней. Человек же, в отличие от любого другого организма, по сути своей не склонен удовлетвориться «жизнью ради жизни» и стремится не только физически, но и метафизически обосновать своё бытие. Наказание за дерзкие претензии – трагичность обрётённого знания: внеэмпирический опыт открывает человеку взгляд на собственную экзистенцию как на онтологическую бездну, ничто. Повесть «Птицы...» даёт вариант космологического прочтения экзистенциалистской категории «заброшенности-в-мир» [35. С. 331]. Битов показывает, что покровительство галактических явлений не гарантирует наличия в жизни человека духовного смысла. Претензии на счастье, благополучие, комфорт также осознаются как ложные, и это внушает человеку ощущение ужаса от невозможности спасения.

По Битову, в отдельных точках-разломах сквозь квазигармоническую оболочку сущего просвечивает его настоящее нутро, открывающее ищущему опору познающему субъекту трагическую истину: мир ничего не должен человеку, он отстранился от своего подопечного, обеспечив лишь место в пространственно-временном континууме. Такой метафизической точкой-разломом, ведущей в бездну, герою видится взгляд птицы – чайки, пойманной юннатом-энтузиастом на Косе. Для неё утрата свободы означает гибель. Её «дикий, ужасный, красный» [10. С. 62], «бешеный, исполненный смертельного ужаса глаз» [10. С. 64] причастен первозданному хаосу, он предчувствует-предвозвещает смерть – свою и всего сущего, чем обесценивает любые попытки осознанного человеческого жизнестроительства.

Эта сцена представляется родственной описанному Битовым в новелле «Последний медведь» (1970) из повести «Грузинский альбом» состоянию «оловянного безумия», охватившему запертого в клетке зоопарка медведя. Экологическая интерпретация образов тоскующих животных позволяет говорить о свободной воле как о высшей ценности для любого живого существа. В то же время, этологическая трактовка сюжета характеризует человека как такого же пленника собственной экзистенции.

Доступный человеку способ освобождения даёт позиция эстетического остранения, т.е. отказа от претензий к бытию (ср.: остранение как нарративный приём удивления, отчуждения [36. С. 15–16]). Рассказчик использует приём остранения, описывая пленённую чайку как «одна-птицу», апокалиптического тетраморфа [10. С. 64–65]. Однако эстетической аксиологии более близки не эсхатологические интуиции героя, а позитивное мировоззрение доктора и других сотрудников куршской биостанции, чья способность понимать *птицу* как *птицу*, не нарушать онтологического круговорота, возвращать бытию взятое у него восхищает героя. Геопоэтолог И. Сид назвал умение битовских персонажей-учёных «органично преосуществлять природные циклы» «орнитологией духа» [13. С. 194]. Приобщение к такой экологически ориентированной картине мира, достижение подлинного, созерцательного остранения – цель ментального путешествия лирического героя.

К началу третьей «перипатетической» прогулки по побережью герой-писатель, приобщившийся к объёмным когнитивным методикам своего друга-учёного, переосмысляет своё амплуа дилетанта: «<...> я уже пользовался многими преподанными мне понятиями как своими» [10. С. 69]. В свою очередь, мировоззрение доктора, соблазняемого идеями друга-гуманитария, становится более компромиссным: «Его императив слабел» [10. С. 70].

В результате ассимиляции их изначально полярных картин мира появляются нестандартные, неклассические исторические гипотезы. Увлекательностью и антропологическим модусом они приближаются к научно-популярному дискурсу, но опора на этологические познания доктора Д. закрепляет их как рационалистические. Так, искушаемый другом-гуманитарием зоолог выдвигает смелые теории о современной филателии как потомке первобытного собирательства [10. С. 69], о завоеваниях Македонского как проявлении внутривидовой агрессии и о биологической избыточности этих завоеваний как причине распада его империи [10. С. 70–71]. По мнению доктора, более продуманную завоевательную стратегию продемонстрировали викинги: они также обладали достаточными ресурсами для захвата Европы, но не обольстились чужими территориями, остались в границах своего привычного ареала [10. С. 71]. Однако, как и татаро-монголы, они «увязли», «обрусели» на территории России [10. С. 72].

В свою очередь, лирический герой обретает в совместном научно-художественном мифотворчестве способ объяснения мировой истории и жизни в целом, и внутреннее «море» его философских исканий ненадолго «успокаивается и замирает» [10. С. 72]. Однако внезапное обнаружение на пути «тёмно-вишнёвого <...> ящика из-под шведского пива с тремя <...> коронами» [10. С. 73] задаёт новый виток его переживаний – о целесообразности присутствия в природе наносящего ей вред человека. Этот вопрос преломлён в данной сцене уже не под космологическим или метафизическим, а под ультимативно-апокалипсическим углом. Поворот собеседников в этот момент обратно к станции указывает на то, что их дальнейший маршрут – как физический, так и ментальный – является буквальным и метафорическим

«повторением пройденного», интеллектуальной и этической «контрольной работой» для героя-путешественника как «ученика у бытия».

Доктор Д. сопротивляется попыткам рассказчика подвести его к обоснованию экологического смысла антропогенеза либо к констатации того, что смысла в антропогенезе не было, нет и не будет и, следовательно, самым осознанным и благородным поступком человека на Земле стало бы самовольное самоустранение. Герой сопоставляет такую ситуацию с поведением аквариумных рыбок-самцов, экспериментально описанным Лоренцом в книге «Так называемое зло. К естественной истории агрессии» (1963). С точки зрения этологии, конфликтующие рыбки – воплощение механистически физиологической природы живого – не доброй и не злой, но лишь нацеленной на отстаивание своего «места под солнцем».

Герой говорит о легкомыслии человека, загрязняющего Землю – свой космический дом. С точки зрения этологии, ориентированный не на сытость, а на пресыщение «*homo sapiens sapiens*» ведёт себя хуже любого своего предка и любого животного. Герой Битова апеллирует к теории английского демографа XVIII–XIX вв. Т.Р. Мальтуса, предупреждавшего о том, что неспособность людей рационализировать процесс воспроизводства своего рода приведёт к нехватке ограниченных жизненных ресурсов. Доктор возражает собеседнику, критикуя мальтузианство как устаревшую теорию, пытавшуюся «измерять пространство временем» [10. С. 75].

Кульминационный момент диалогов персонажей и всей повести – провокационный вопрос рассказчика учёному о том, не кажется ли ему целесообразным такой сценарий, при котором человек, провозгласивший себя «венцом творения», уничтожающий собственную биологическую нишу и приближающий не библейский, но реальный экологический Апокалипсис, покинул бы планету, например, в результате собственных экспериментов с оружием массового поражения. Директор биостанции, изменяя научному подходу, оправдывает существование человека как единственного созерцателя Творения, глазами которого на себя смотрит само Бытие: «Вопрос этот лишён смысла. Тогда некому было бы посмотреть на это счастье <...> только человек способен оценить совершенство в полной мере» [10. С. 76].

Таким образом, в диалогах с доктором герой добивается успеха, используя «сократическое» искусство «майевтики» [37. С. 475]. Учёный, несмотря на трезвую оценку ущерба, наносимого людьми природе, готов простить человеку его экологические грехи. По убеждению доктора Д., выделяющая человека среди других животных способность «знать о своей смертности, любить в подлинном смысле этого слова <...> удивляться <...> познавать, опредмечивать <...> идеи, воспроизводить существующее и создавать нечто новое» [27. Т. 4. С. 344] позволяет видеть в нём единственного подлинного созерцателя жизни, сотворца самого Космоса, «трансцендентального субъекта» [38. Т. 3. С. 367] реальности.

В гуманистическом откровении Д. – беззаветная любовь человека к жизни, выходящая за рамки как холодного рацио, так и биологических инстинктов. По Битову, выражающая себя в сложной взаимосвязи физических

и метафизических факторов благосклонность к людям самого бытия взаимна. Повесть «Птицы...» даёт положительный ответ на библейский вопрос, взятый Битовым в качестве эпиграфа к параллельно писавшемуся им роману «Улетающий Монахов» (1960–1982 гг.): «Хочет ли человек жить и любит ли долгоденствие, чтобы видеть благо?» (Пс. 33:13). В «Птицах» каждое упоминание персонажами имени Мальтуса (чьи идеи были рациональны и оправданны, но предполагали сокращение рождаемости, лишали «*потенциальных*» людей *потенциальной* возможности жить), сопровождается «скрежетом зубов» – жестом, который в Библии символизирует мучения грешников в аду (Мф. 8:12). Общность такого жеста подтверждает возможность трактовки образов героя-рассказчика и доктора Д. как одного персонажа, воплощающего в повести разные ипостаси лирического сознания:

– Мальтус... – сказал я. У меня на зубах заскрипел песок [10. С. 70];

– Опять вы о Мальтусе! – И доктор снова поскрипел песком на зубах [10. С. 75].

В данном случае в образе песка, часто упоминаемом в повести Битова, можно усмотреть аллюзию на «прах предков» из философии космиста Н.Ф. Фёдорова. Он утверждал право на жизнь всех поколений как участников «всеобщего дела» и возможность воскрешения всех людей, когда-либо живших на земле. С точки зрения Федорова, лишение потомков права на жизнь обесмысливает жертву праотцов, обеспечивших продолжение рода человеческого [39. Т. 1. С. 44].

Признание доктора Д. воплощает кульминационную ступень диалогов «перипатетиков», после которой любые слова излишни. Однако в силу несовершенства своей человеческой природы персонажи оказываются не в силах остановиться и, возвращаясь домой, продолжают «договариваться о перспективах человечества» [10. С. 77] вместо того, чтобы молчанием совпасть с тишиной дюн. Само обсуждение права человека на жизнь доктор осознаёт как оскорбление «первозданной природы» Косы [10. С. 78], а рассказчик – как грех. Однако именно в этот момент герой-повествователь приходит к принятию собственной человеческой сущности. Изначально символизировавший внутренний конфликт рассказчика ящик из-под пива – трофей инстинкта собирательства – теперь начинает символизировать его «намерение жить» [10. С. 78]. В контексте зрелого творчества Битова отсылающая к пушкинской строке формула «предположение жить» выражает представление о нераздельности конечного земного бытия художника – и метафизического бессмертия его творчества [40].

Мистическое переживание (сон) лирического героя в ночь после откровения доктора (его признания в лояльности к безответственному человеку) можно истолковать как его последнюю реплику в «перипатетическом» диалоге. Эта сцена в финале повести воплощает обновлённое мировоззрение

героя, которому уже не нужна ответная реакция собеседника (он не рассказывает доктору о своём сне). В момент ночного видения подсознание автобиографического героя интерпретирует антиномию жизни-смерти в соответствии с христианской образностью: атомный взрыв имеет во сне вид Всемирного потопа, предсмертие переживается как приближение Божьего суда, в самом себе герой признаёт «пожизненно оглашенного» [10. С. 81], которого эсхатологическая ситуация подводит к первой в жизни настоящей, самозабвенной молитве. Таким образом, взаимовлияние «перипатетиков», возникшее во время их бесед и прогулок по Куршской косе, по Битову, не предполагает полной ассимиляции их картин мира.

Не случайно последнее монологическое высказывание доктора Д. предлагает иной, рациональный, вариант сотериологического сценария для человечества. Учёный позитивно мифологизирует экологию как передовую науку, заранее тревожащую коллективное сознание и загодя предупреждающую развитие действительно безвыходной, реалистически-апокалиптической ситуации. По мнению орнитолога, предостережение свыше приходит человеку не как сверхъестественное откровение, а как результат «генетического программирования» людей самой планетой: «Раз уж Земля наша всё ещё велика <...> то не есть ли её катастрофическое уменьшение в нашем сознании <...> лишь форма её защиты <...> сигнал, включённый много раньше необратимой опасности, дабы мы успели вынуть...» [10. С. 83]. Герой-рассказчик пересказывает рассуждение Д. от первого лица (т.е. отчуждается от его мысли) и выделяет в нём для себя только одну идею, согласующуюся с его собственной философско-эстетической концепцией: «...мысль о том, что <...> представление о реальности может оказаться быстрее реальности» [10. С. 84]. Естественно-научный взгляд на устройство мира подтверждает открытый античной философией и воспринятый христианством образ Логоса как замысла о мире, первичного по отношению к нему.

Диалог «перипатетиков» заканчивается в точке максимально возможного результата ментального странствия лирического героя: к концу повести он приближается в своём мышлении к примирению антиномий эмпирического и интуитивистского, природного и цивилизационного, космогонического и эсхатологического характера. Борьба идей внутри героя, его философский спор с самим собой (частью которого являются перипатетические беседы с доктором Д.) – это его индивидуальный путь преодоления онтологической дезориентации, связанной с неоднозначностью положения человека в мире, с необходимостью антроподицеи. Обозначенный в повести сценарий спасения предполагает отказ человека от амбиций доминирования над природой. Таким образом, первая часть тетралогии «Оглашенные» актуализирует этологическую базу существования человека в природном мире и констатирует гносеологический кризис лирического сознания, свидетельствующий о необходимости продолжения путешествия. Сотериологический смысл диалога заключается в преодолении онтологической дезориентации

человека как примирения картин мира учёного и художника, философа и профана, этолога и христианина.

Список источников

1. Аннинский Л. Странный странник // Портрет поздней империи: Андрей Битов / авт.-сост. Е. Чигрин. М. : АСТ, 2020. С. 14–30.
2. Чансес Э. Андрей Битов: экология вдохновения [пер. с англ. И. Ларионова]. СПб. : Академический проект, 2006. 317 с.
3. Скоропанова И.С. Русский экологический постмодернизм: роман Андрея Битова «Оглашенные» // Русская постмодернистская литература. URL: <http://niv.ru/doc/poetics/rus-postmodern-literature/106.htm>
4. Баринаева Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 248 с.
5. Рыбальченко Т.Л. Проблема границы существования в прозе А. Битова и В. Набокова («Оглашенные» и «Ultima Thule») // Европейские исследования в Сибири : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронтир», 6–8 февраля 2001 г. Томск, 2001. Вып. 3. С. 187–202.
6. Гулицус Н.С. Художественная мистификация как приём текстопорождения в русской прозе 1980–1990-х гг. (А. Битов, М. Харитонов, Ю. Буйда) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 204 с.
7. Рыбальченко Т.Л. Онтологические аспекты проблематики новых новелл романа А. Битова «Преподаватель симметрии» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 84–101.
8. Рыбальченко Т.Л. Иронико-философская проза в современном литературном процессе // Проблемы метода и жанра : межвузовский сборник статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 190–208.
9. Битов А. Интервью для журнала «Со-Общение». 2006. № 7–8. URL: http://litternet.lgb.ru/=/Sid/conversations/sid_soob2006-0708_bitov.htm
10. Битов А.Г. Оглашенные: роман в четырёх частях. М. : Вече, 2018. С. 333.
11. Гурьянова М.А. Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960–1970-е годы : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 202 с.
12. Андрианова М.Д. Авторские стратегии в романной прозе А. Битова : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 222 с.
13. Сид И. Геопозт, или По дороге на Лхасу // Битов, или Новые сведения о человеке: [сборник] / сост. А. Бердичевская. М., 2020. С. 190–195.
14. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
15. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.
16. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Просвещение, 1988. 352 с.
17. Древнегреческо-русский словарь Дворецкого. URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-49988.htm>
18. Новиков В. Михаил Бахтин: синтез филологии и философии // Канал Культура. ACADEMIA. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PLNfJN2R-Ys>
19. Рытова Т. О функционировании и трансформациях литературы в эпоху IT-технологий и интернет-культуры // Онлайн-журнал «Речь». URL: https://речь.com/rytova_o_functionation_and_transformation_literature
20. Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб. : Искусство-СПб, 2005. 621 с.
21. Сычёв А.А. Нравственные измерения хронотопа // Литературоведческий журнал. 2021. № 4 (54). С. 100–119.

22. Берг М.Ю. Антиподы: писатель дневной и ночной // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 223–231.
23. Гуреев М. Андрей Битов: Мираж сюжета. М. : Молодая гвардия, 2023. 350 с.
24. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Ранняя классика. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2000. 624 с.
25. Яценко С.А. Изображение научного и художественного типов сознания в «Оглашенных» Андрея Битова (к вопросу о соотношении художественной формы и проблематики) // Актуальные проблемы литературоведения и журналистики : материалы региональной конференции молодых ученых, 24 марта 2000 г. Томск, 2001. С. 126–129.
26. Дольник В. Непослушное дитя биосферы: Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб. : Петроглиф, 2009. 352 с.
27. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4 / науч.-ред. совет.: В.С. Стёпин (пред.) [и др.]. М. : Мысль, 2010. 743 с.
28. Ростова Н.Н. Проблема человека в современной философии. М. : Проспект, 2023. 176 с.
29. Марков А.В. Теории современного искусства. М. : РИПОЛ классик, 2021. 238 с.
30. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1979. 272 p.
31. Мифы народов мира / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энцикл., 1980. 1147 с.
32. Битов Андрей. БАГАЖЪ: книга о друзьях. М. : ArsisBooks, 2012. 176 с.
33. Розенталь И.Л. Вселенная и частицы // Новое в жизни, науке, технике. Космонавтика, астрономия. М. : Знание, 1990. № 11. 64 с.
34. Ланцев И.А. Человек в мироздании. Концептуальный подход на основе квантовой парадигмы // ISPC. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-mirozdanii-kontseptualnyu-podhod-na-osnove-kvantovoy-paradigmy>
35. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М. : Политиздат, 1990. 396 с.
36. Шкловский В. О теории прозы. М. : Сов. писатель, 1983. 383 с.
37. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 / науч.-ред. совет.: В.С. Стёпин (пред.) [и др.]. М. : Мысль, 2010. 692 с.
38. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 3 / [под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана; ред. тома Т.И. Ойзерман]. М. : Мысль, 1964. 799 с.
39. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. Т. I. М. : Прогресс, 1995. 518 с.
40. Предположение жить. 1836 / сост. Андрей Битов. М. : Независимая газета, 1999. 917 с.

References

1. Anninskiy, L. (2020) *Strannyi strannik* [Strange wanderer]. In: Chigrin, E. (ed.) *Portret pozdney imperii: Andrey Bitov* [Portrait of the Late Empire: Andrei Bitov]. Moscow: AST.
2. Chances, E. (2006) *Andrey Bitov: ekologiya vdokhnoveniya* [Andrei Bitov: the ecology of inspiration]. Translated from English. St. Petersburg, Academic project.
3. Skoropanova, I.S. (n.d.) *Russkiy ekologicheskiy postmodernizm: roman Andrey A. Bitova "Oglashennyye"* [Russian ecological postmodernism: Andrei Bitov's novel "The Catechumens"]. In: Skoropanova, I.S. *Russkaya postmodernistskaya literatura* [Russian postmodern literature]. [Online] Available from: <http://niv.ru/doc/poetics/rus-postmodern-literature/106.htm>
4. Barinova, E.E. (2008) *Metatekst v postmodernistskom literaturnom narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov* [Metatext in postmodern literary narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
5. Rybal'chenko, T.L. (2001) [The problem of the boundary of existence in the prose of A. Bitov and V. Nabokov ("The Catechumens" and "Ultima Thule")]. *Evropeyskie*

issledovaniya v Sibiri [European research in Siberia]. *Amerikanskiy i sibirskiy frontir* [American and Siberian frontier]. Proceedings of the International Conference. 6–8 February 2001. Vol. 3. Tomsk. pp. 187–202. (In Russian).

6. Gulius, N.S. (2006) *Khudozhestvennaya mistifikatsiya kak priem tekstoporozhdeniya v russkoy proze 1980-1990-kh gg.* (A. Bitov, M. Kharitonov, Yu. Buyda) [Artistic mystification as a technique of text generation in Russian prose of the 1980s–1990s. (A. Bitov, M. Kharitonov, Y. Buida)]. Philology Cand. Diss Tomsk.

7. Rybal'chenko, T.L. (2011) *Ontologicheskie aspekty problematiki novykh novell romana A. Bitova "Prepodavatel' simmetrii"* [Ontological aspects of the problems of new short stories of A. Bitov's novel "Teacher of Symmetry"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 84–101.

8. Rybal'chenko, T.L. (1991) *Ironiko-filosofskaya proza v sovremennom literaturnom protsesse* [Ironic-philosophical prose in the modern literary process]. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 190–208.

9. Bitov, A. (2006) *Interv'yu dlya zhurnala "So-OBshchenie"* [Interview for the magazine "So-COMMUNICATION"]. 7–8. [Online] Available from: http://liter-net.lgb.ru/=Sid/conversations/sid_soob2006-0708_bitov.htm

10. Bitov, A.G. (2018) *Oglashennyye: roman v chetyryokh chastyakh* [The Catechumens: a novel in four parts]. Moscow: Veche.

11. Gur'yanova, M.A. (2008) *Zhanrovye protsessy v proze A.G. Bitova: 1960–1970-e gody* [Genre processes in the prose of A.G. Bitov: 1960–1970s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

12. Andrianova, M.D. (2011) *Avtorskie strategii v romannooy proze A. Bitova* [Author's strategies in the novel prose of A. Bitov]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

13. Sid, I. (2020) *Geopoet, ili Po doroge na Lkhasu* [Geopoet, or On the way to Lhasa]. In: Berdichevskaya, A. (ed.) *Bitov, ili Noveye svedeniya o cheloveke* [Bitov, or New information about a person]. Moscow, Eksmo.

14. Bakhtin, M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

15. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow: Art.

16. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: Prosveshchenie.

17. Classes.ru. (n.d.) *Drevnegrechesko-russkiy slovar' Dvoret'skogo* [Dvoret'sky's Ancient Greek-Russian Dictionary]. *Classes*. [Online] Available from: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-49988.htm>

18. Novikov, V. (n.d.) *Mikhail Bakhtin: sintez filologii i filosofii* [Mikhail Bakhtin: synthesis of philology and philosophy]. Youtube. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=PLNfJN2R-Ys>

19. Rytova, T. (n.d.) *O funktsionirovani i transformatsiyakh literatury v epokhu IT-tekhnologiy i internet-kul'tury* [On the functioning and transformation of literature in the era of IT-technologies and Internet culture]. [Online] Available from: xn--e1avwu.com

20. Lotman, Yu.M. (2005) *Vospitanie dushi* [Education of the soul]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

21. Sychyov, A.A. (2021) *Nravstvennyye izmereniya khronotopa* [Moral measurements of the chronotope]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 4 (54). pp. 100–119.

22. Berg, M.Yu. (1997) *Antipody: pisatel' dnevnoy i nochnoy* [Antipodes: a writer of day and night]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 28. pp. 223–231.

23. Gureev, M. (2023) *Andrey Bitov: Mirazh syuzheta* [Andrei Bitov: Mirage of the plot]. Moscow: Molodaya gvardiya.

24. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early classic]. Moscow: AST, Kharkiv: Folio.

25. Yatsenko, S.A. (2001) [Image of scientific and artistic types of consciousness in Andrei Bitov's "Catechumens" (on the question of the relationship between artistic form and problems)]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i zhurnalistiki* [Current issues of literary criticism and journalism]. Conference Proceedings. 24 March 2000. Tomsk. pp. 126–129. (In Russian).
26. Dol'nik, V. (2009) *Neposlušное дитя biosферы. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zverey i detey* [Naughty child of the biosphere. Conversations about human behavior in the company of birds, animals and children]. St. Petersburg: Petroglif.
27. Styopin, V.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
28. Rostova, N.N. (2023) *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii* [The problem of man in modern philosophy]. Moscow: Prospekt.
29. Markov, A.V. (2021) *Teorii sovremenного искусства* [Theories of contemporary art]. Moscow: RIPOL klassik.
30. Latour, B. & Woolgar, S. (1979) *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
31. Tokarev, S.A. [ch. ed.]. (1980) *Mify narodov mira* [Myths of the nations of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
32. Bitov, A. (2012) *BAGAZh*": kniga o druz'yakh [BAGGAGE: a book about friends]. Moscow: ArsisBooks.
33. Rozental', I.L. (1990) Vseennaya i chastitsy [Universe and particles]. In: *Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Kosmonavtika, astronomiya* [New in life, science, technology. Cosmonautics, astronomy]. 11. Moscow: Knowledge.
34. Lantsev, I.A. (2008) *Chelovek v mirozdanii. Kontseptual'nyy podkhod na osnove kvantovoy paradigmy* [Man in the universe. Conceptual approach based on the quantum paradigm]. *ISPC*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-mirozdanii-kontseptualnyy-podhod-na-osnove-quantovoy-paradigmy>
35. Sartre, J.-P. (1990) *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. In: *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Translated from French. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.
36. Shklovskiy, V. (1983) *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Sovetskiiy pisatel'.
37. Styopin, V.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
38. Kant, I. (1964) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
39. Fyodorov, N.F. (1995) *Sobr. soch.: v 4-kh t.* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Progress.
40. Bitov, A., (1999) *Predpolozhenie zhit'. 1836* [Assumption to live. 1836]. Moscow: Nezavisimaya gaz.

Информация об авторе:

Буханова Е.Д. – аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ст. преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: Ekaterinabuhh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.D. Buhanova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ekaterinabuhh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
одобрена после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 11.10.2023;
approved after reviewing 09.11.2023; accepted for publication 12.07.2024.*